
МОЛОДАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Е.И. Кулаковская¹

Алтайская государственная педагогическая академия

ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ РАССКАЗА Б.ЕВСЕЕВА «КУТУМ»

Статья посвящена анализу онтопоэтики рассказа «Кутум» Б. Евсеева. В частности, выявлению в тексте исходных тем «движения» и «проницания Главного», которые овеществляются в ряде взаимосвязанных иноформ: «отрезок существования», «стремительное рассуждение» и др.

Ключевые слова: иноформа, исходный смысл, рассказ, символ.

E. I. Kulakovskaya

Altai State Pedagogical Academy

EMBLEMATIC PLOT OF B.EVSEEV'S SHORT STORY 'KUTUM'

The article is devoted to the analysis of ontopoetics of B.Evseev's short story 'Kutum' In particular, it deals with elicitation in the text of two initial ideas of 'motion' and 'permeation of the Primary thing', which are objectified in some interrelated diverse forms: 'a period of existence', 'rapid reasoning' etc.

Keywords: diverse form, the original meaning, a short story, a character.

Продолжение исследования прозы Б. Евсеева с точки зрения онтопоэтики [Кулаковская, 2013], на наш взгляд, является актуальным и плодотворным. Во-первых, потому что сам автор причисляет своё

¹ Кулаковская Евгения Ивановна, аспирант кафедры литературы АлтГПА

творчество к системе онтологического реализма, «сотканного из явлений запредельных, но осмысляемых, а затем и оформляемых как истинная реальность» [из личной переписки автора с Б. Евсеевым].

Данный подход является способом уловления сверх-мыслей и сверх-чувств «высокой или «серьёзной» прозы. Это, во-вторых.

Задача статьи – выявить и описать эмблематический сюжет в рассказе Б. Евсеева «Кутум».

«Эмблемы – это наиболее «сильные» или «отмеченные» точки повествования, которые получили право представлять или даже замещать его как целое» [Карасёв, 2001, с. 22]. Общее в эмблемах-иноформах приводит к пониманию исходного смысла текста. Таким образом, анализ эмблем – это анализ онтологической подосновы произведения.

В рассказе Б. Евсеева «Кутум» один из главных персонажей – пойманная в сети рыба, которая проплавала в море восемь месяцев. Конечно, это незначительный временной отрезок с точки зрения жизни человека, но автор погружает нас в иные пространственно-временные характеристики, где темпоральность измеряется некими отрезками существования: «Каждый отрезок существования – от еды до еды – он проводил в стремительном размышлении» [Евсеев, 2001, с. 23].

«Стремительное размышление» – это один из векторов, направлению которого подчинено осмысленное перемещение кутума в пространстве. Автор показывает, как может размышлять существо, казалось бы, не обладающее потенциальными возможностями глубоко думать. Здесь, важно сменить точку зрения с привычного органа мышления на другую сферу – процесс движения. Итак, Кутум «размышлял не словом, а движением, размышления эти всегда были сладостны» [Евсеев, 2001, с. 23]. Движение в тексте отсылает к витальной энергии бытия, реализованной в тексте при помощи различных иноформ. Так, отличительным знаком рыбы-Кутума от других существ, является способность «проникать Главное».

Интересно, что такая важная черта также несёт на себе вполне конкретные характеристики: «А ведь именно это-то Главное, вложенное в Кутума, в спинной его мозг, наполняло и его, и другую мелкую и крупную рыбу жгучим весельем и ледяной, резко вспыхивающей электрической страстью, страстью к самой жизни, к плоти бытия, к морю» [Евсеев, 2001, с. 23]. Страсть к жизни – это та категория, которая по существу является отправной точкой для любого

перемещения Кутума в воде. Однако порой эта страсть имеет смертоносные последствия: когда, проникая Главное, включаясь в общий поток жизни, рыба вдруг выпадает в иную и гибельную для неё реальность, то есть на землю.

По сути, «Главное» – это иноформа смысла жизни, того непрерывного движения, которому подвержены все живые существа, его непредсказуемости и опасности: «Именно это Главное заставляло, играя, хватать крюки, заходить в сети и потом биться в них и, выпадая в иную реальность, сожалеть о своей, уже невозвратимой» [Евсеев, 2001, с. 23]. Автор подводит нас к мысли о том, как мучительно «выпадание» из своей стихии, а также оставляет за миром природы способность не только «проникать», но и сожалеть о потерянной жизни.

Символична уловка, на которую был пойман кутум – «чёрный, фабричной выделки стальной крючок» – символ механической силы, которая противостоит природной. Сопrotивление рыбы озаменовано незнанием будущего, более чем предчувствием смерти. Незнание для рыбы в тексте – второй двигатель, который приводит её в нетипичное состояние: «И от этого незнания дёргался, степенел, бил хвостом, вздувал жабры и выкатывал белки глаз за обозначенные Богом пределы» [Евсеев, 2001, с. 23].

«Выкатывание глаз», «выпадание в иную реальность», «стремление за предел» для кутума – меты надвигающейся смерти, не вполне осознанной им изначально возможности её наступления.

Ещё одно направление движения Кутума в тексте – это действия рыбака по имени Азиз, который «наматывал на самодельную катушку толстую, трёхсотметровую лесу, и Кутум медленно, но неотвратно приближался к берегу» [Евсеев, 2001, с. 23]. Так, перемещение Кутума теряет свою природную свободную волю и направляется силой человеческой. В поле зрения рыбы попадает новая действительность, которая окрашена в тёмные тона. Это и «серо-коричневый, нечистый песок», и «зелёные чудовища с раздутым брюхом». Кривая блестящая ручка от лесы – вот то, что определяет движение Кутума в этой враждебной ему среде. Абсолютно противоположны приметы его родной стихии – воды: «И дно теперь уже было рядом, под плавниками: гладкое, чистое, почти без ракушек Каспийское дно» [Евсеев, 2001, с. 24].

В этой связи рыбой-Кутумом вспоминается его произвольные движения и перемещения и самочка-невеличка: «Так он двигался мыслью, так он двигался чувством» [Евсеев, 2001, с. 25]. Выбор пары – ещё одна иноформа темы «проницания Главного», поскольку Кутум сразу узнаёт и понимает, что именно это его пара, выбор происходит не спонтанно, а благодаря двигательному разуму.

Интересно, что воздух воспринимается Кутумом, как пограничная, но также отмеченная присутствием человека среда, «вырываясь» в неё, он видит одежду рыбака: его «пиджак», «кавказскую кепку» и др.

Очень важной в рассказе является эмблематичная сцена, в ходе которой Кутум вспоминает миг своего рождения. Он вполне ясно осознаёт все этапы своего пребывания в мире, и даже предшествующее существование во вселенной. «Смерторождение» – мыслеобраз автора, который очень выятно отражает суть перехода от одной реальности к другой. Сон, вселенная, бесконечность и временное воплощение – всё это завязано на одном Эво: «Даже сейчас, черкая плавниками о песок, Кутум чувствовал, что Эво, словно хребет, держит его» [Евсеев, 2001, с. 25].

Итак, миг перехода от смерти к жизни для Кутума – это не приобретение, а потеря: «Тот миг, когда, перейдя от общего к частному, потеряв бессмертие на период жизни, он получил взамен этому бессмертию обманчивую и недолгую прелесть временного воплощения» [Евсеев, 2001, с. 24]. Так, тема движения, «выпадания», «перехода» в иную реальность сопровождает рыбу-Кутума и проходит пунктиром через весь текст. Происходит онтологическая замена традиционного восприятия жизни и смерти, частность жизни по отношению к вечным законам Вселенной, а также её краткосрочность.

Важным видится, что автор определяет ценность подобных осознаний. Здесь обозначена антитеза внешнего и внутреннего, конечного и бесконечного, общего и частного, сна и разума. Миг осознания в рассказе – это миг перед рождением, когда Кутум из сомнамбулического состояния обращается к состоянию «вживания в разум воды и пищи» [Евсеев, 2001, с. 24]. В этой связи, интересно, что рыба наделена разумным отношением даже к основным физическим потребностям.

Ещё одной величиной измерения времени в рассказе является – темнота. Так, отзываясь о событии из жизни Кутума, автор замечает,

что это было «пару темнот назад». К тому же, время тесно взаимосвязано с таким понятием, как эволюция. Выход на сушу именуется Б. Евсеевым, как состояние рыбы в «параллельных лжеэволюциях».

В этой связи, движение к суше – это движение к смерти. Автор, упоминает стремлением предков Кутума от суши назад к тишине и безмолвию, а точнее к жизни. То есть, акцентирует внимание на традиционном желании, страсти жизни, которое переполняет рыбий мир в пределах родной стихии. По сути, Кутум воспринимается автором как живший уже когда-то давно, теперь же воплотившийся в который раз.

Берег и земля для Кутума становятся причиной потери понимания как такового. Другой формой движения является круговое вращение на крючке. Символично замкнутое, оно приводит к тому, что для Кутума отпадает возможность осмысленного движения и, значит, он прекращает эволюционировать.

Таким образом, потеря жизни для Кутума происходит три раза. Сначала, как переход от бесконечности, затем как выпадение на сушу, сопровождаемое утратой Главного и, наконец, смерть как возвращение в инобытие.

Неслучайно в тексте наряду со стальным крючком, присутствует «негнущийся деревянный палец рыбака» и «костяные губы» Кутума. Все эти знаки отсылают к неживой материи. Рыбак прижимает Кутума к песку, чтобы окончательно лишить его силы.

Важно и то, что в отношении человека к пойманной рыбе проглядывает, по сути, несоотнесимые с убийством чувства: «На этот раз прижали нежно и даже кротко, как прижимают всякую годящуюся в пищу живность» [Евсеев, 2001, с. 25]. И более того, автор говорит о любви человека к рыбе: «И в этой его медленно нарастающей жадности к живому, хоть и продаваемому Кутуму, была любовь. Он, убивая рыбу, любил её. Потому что любовь и в убивании всё казалась ему любовью. Потому что и любовь к убийству всё равно для него была любовью» [Евсеев, 2001, с. 30].

Следующий этап, который проходит Кутум – это попадание в стихию земли. Зарытый в песок, он всё ещё остаётся живым, это свойство любой рыбы, но парадоксально то, что, в конечном счёте, это

продление отрезка существования нужно лишь для отсрочки его настоящей гибели.

В предсмертном сомнамбулическом состоянии Кутум ощущает себя иначе: «Он теперь не кутум, не жерех, а навертевший на свой тулуб ржавую проволоку Эво, рыбий семиплавый Бог» [Евсеев, 2001, с. 28].

Но, вместо освобождения Кутум попадает в руки к «сутулому». Здесь, показательно, что движение человека имеет более низкие цели: «Он думал только о том, что продать или даже – в крайнем случае – подарить Кутума мёртвым никак нельзя. И поэтому бежал и бежал, спотыкался, останавливался и бежал вновь» [Евсеев, 2001, с. 29]. Продажа кутума, любимого человеком, в тексте отсылает к продаже Иудой Христа.

В это же время Кутум вдруг начинает приближаться к смыслу жизни: «И хотя жить ему оставалось в рыбьей своей оболочке всего ничего, он вдруг снова стал ближе к пониманию вещей, почувствовал внезапно лёгкий щёкот инобытия под жабрами. Но это понимание таилось где-то глубоко, вне тела, и доставить его враз, в один миг себе пред очи было невозможно» [Евсеев, 2001, с. 29]. Кутум предсмертным взглядом отмечает то, что в спешке и суете не видит человек, «проницание Главного» переходит в отдельное от тела пространство.

Жалость к рыбе испытывает купивший её чайханщик и его маленькая дочь. Чайханщик плачет, поскольку недавно потерял жену, а для девочки наступает «пороговая» минута в жизни, где порог – это переломный момент в жизни героя, после которого происходят важные изменения, часто смерть и т.п. Символом тяжести жизни земной становится глаз уже мёртвого кутума: «И худая девочка, стоявшая в углу и прожившая всего десять лет, из всех нудот и дремот, наплывавших на чайхану, на город, видела один только этот костенеющий глаз» [Евсеев, 2001, с. 31].

Глаз символически замещает душу Кутума, также он является для девочки проводником к пониманию сути вещей. Если Кутум ищет знание во Вселенной, которая была до его рождения, и он её помнит, то ребёнок получает это знание в окружающем его мире: «Глаз расширялся, рос и дрожал, как лунный обломыш, как тонущая в море звезда. И первое понимание, которое в отличие от морской живности,

никогда не приходит с рождением к большинству людей, а даётся им лишь постепенно, пришло к ней» [Евсеев, 2001, с. 31].

Таким образом, автор показывает что ни чайханщик, ни сутулый человек не понимают Главного, то есть «формулы бытия», «сути вещей».

В тексте неоднократно встречается дерево маслины, которое служит символом мира и процветания. Но «сутулый» сидит под корявой маслиной, мир и покой ему недоступны. Он сбит с толку своими действиями, которые совершает даже не ради денег, так как они ему не нужны.

Завершает рассказ ощущение вины, которое остаётся практически у всех героев: кутума, луны, чайханщика, рассказчика. Но всё же, важно отметить, что автор кроме смирения и бессилия перед миром, оставляет надежду на Бога: «Он же един для всех нас» [Евсеев, 2001, с. 32].

Таким образом, в рассказе «Кутум» Б. Евсеева присутствуют исходные темы «движения» и «проницания Главного», которые овеществляется в ряде взаимосвязанных иноформ: «отрезок существования», «стремительное рассуждение», «смерторождение», «выпадание в иную реальность» и др. Последние и являются проводниками «метафизической многослойности» [Семькина, 2007, с. 177] Бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Большакова, А.Ю. Феноменология литературного письма: О прозе Бориса Евсеева / А.Ю. Большакова. – М.: МАКС Пресс, 2004. – 140 с.

Евсеев, Б.Т. Баран: Рассказы и повесть / Б.Т. Евсеев. – М.: Издательский дом «Хроникёр», 2001. – 240 с. – Серия «Мир современной прозы».

Карасев, Л.В. Вещество литературы / Л.В. Карасев. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 400 с.

Кулаковская, Е.И. Онтологические двойники в прозе Б. Евсеева / Е.И. Кулаковская // Мир науки, искусства и образования. – 2013. – №3(40). 2. – С. 290-292.

Кулаковская, Е.И. В ожидании чуда. О новом романе Бориса Евсеева «Пламенеющий воздух» / Е.И. Кулаковская // Московская правда. – 2013. – 31 мая.

Семыкина, Р.С.-И. «Кто есть я?»: метафизическая антропология Ю. Мамлеева / Р.С.-И. Семыкина // Октябрь. – 2007. – № 3. – С. 175-181.